

0269

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кэтрин Спенсер

СКВОЗЬ ОГОНЬ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кэтрин Спэнсер

СКВОЗЬ ОГОНЬ

«Центрполиграф»

2009

Спэнсер К.

Сквозь огонь / К. Спэнсер — «Центрполиграф»,
2009 — (Любовный роман – Harlequin)

После автомобильной аварии из памяти Мейвы выпал целый год. Молодая женщина не помнит, как вышла замуж, однако немедленно влюбляется в своего мужа. Мейве и Дарио Костанцо предстоит пройти через многое, прежде чем они обретут счастье...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кэтрин Спэнсер

Сквозь огонь

Глава 1

Четвертого сентября, в десять часов утра, спустя месяц после трагедии, в доме Дарио Костанцо раздался звонок, хотя он боялся, что это уже никогда не произойдет.

– У меня новости, синьор. – Это был Артуро Перуцци, главный невролог, который наблюдал Мейву. – Сегодня утром ваша жена вышла из комы.

По тону врача Дарио понял, что дальше не последует ничего хорошего. За последние несколько недель он достаточно узнал о том, какими разнообразными и тяжелыми могут быть последствия травм головного мозга, а потому считал, что готов ко всему.

– Но? Ведь существует некое но, не так ли, доктор?

– Вы правы.

Дарио не сомневался, что готов услышать правду, какой бы она ни была, но на деле все оказалось иначе. Перемотанная бинтами и утыканная множеством трубочек, поддерживающих ее жизнь, Мейва совсем не походила на ту женщину, какой она была до аварии.

Красивая. Изящная. Элегантная. Солнечный лучик. Его солнечный лучик. А что теперь? Дарио сел за стол, побаиваясь, как бы эта новость не выбила землю у него из-под ног:

– Говорите.

– Есть все предпосылки для полного физического выздоровления, хотя сейчас она еще крайне слаба. При правильном лечении синьора совсем скоро сможет выписаться домой. Но сильно поврежден мозг.

– О боже, только не это! Лучше бы она умерла, чем...

– Не драматизируйте. Это достаточно распространенное осложнение после такой травмы. Кстати, оно не настолько серьезно, как вам может показаться.

Дарио прокручивал в голове самые безнадежные варианты, не беря в расчет оптимистичные прогнозы. Наконец он снова прислушался к размеренному голосу врача и спросил:

– На что вы намекаете?

– Я ни на что не намекаю, синьор. Я констатирую, что у вашей жены ретроградная амнезия. Проще говоря, она не помнит события недавнего прошлого.

Перуцци колебался долю секунды, но и этого хватило, чтобы пробудить в Дарио его худшие страхи.

– Насколько недавнего?

– Это и делает данный случай не совсем обычным. Как правило, при ретроградной амнезии пациент не в состоянии вспомнить события, произошедшие непосредственно перед травмой. А у вашей жены амнезия охватывает более длительный период. Мне искренне жаль, но, похоже, она совсем не помнит вас и совместную жизнь с вами.

Психогенная амнезия... истерическая амнезия... Месяц назад Дарио понятия не имел, что означают эти слова. Зато теперь они были слишком хорошо знакомы ему.

– То есть вы предполагаете, что ее амнезия вызвана психологической травмой, а не физической?

– Скорее всего, так, – согласился врач. – Но что бы ни было причиной, в таком состоянии пациенты редко остаются навсегда. Со временем к вашей жене память вернется практически полностью. И это хорошая новость.

– Как скоро это случится?

– Не могу сказать. И никто не может. Существует вероятность того, что синьора вспомнит все, как только попадет в знакомую обстановку. Но, скорее всего, ей придется восстанавливать прошлое по вспышкам воспоминаний, возникающим вразброс. Это может занять не одну неделю. Вы ничего не добьетесь, пытаясь заставить жену вспомнить что-то. Так вы только ухудшите ее состояние. И это подводит меня к сути нашего разговора, синьор Костанцо. Мы сделали все, что могли. Теперь ваша очередь.

– Но как?!

Вопрос «как?» преследовал его весь месяц, требуя ответов, которые никто не мог дать. Как Дарио не понял, насколько глубоко она не удовлетворена? Как после стольких взаимных клятв Мейва посмела выбрать другого? Как не верила в него, своего мужа?

– Терпение – ключ к успеху. Заберите ее домой, но не окружайте сразу толпой незнакомцев. Пусть она почувствует себя в безопасности рядом с вами.

– Как же я сделаю это, если она даже не помнит меня?

– Как только синьора окрепнет, мы расскажем ей о вас. У нас нет выбора. Вы ее единственный ближайший родственник, а ей необходимо знать, что она не одинока в этом мире. Из памяти синьоры выпал год жизни. Любому тяжело справиться с этим. Пусть она увидит, что вы заботитесь о той девушке, какой она себя помнит. А когда она станет вам доверять, постепенно знакомьте ее с остальными членами семьи.

– Так уж получилось, что один из членов нашего семейства – ее семимесячный сын! Как вы предлагаете поступать с ним все это время? Сделать вид, будто это ребенок повара?

Даже если врач и уловил его сарказм, то виду не подал.

– Спрячьте его, – посоветовал он. – У вас есть сестра, да и родители живут поблизости. Уверен, кто-нибудь из них присмотрит за малышом.

– То есть обманывать ее? Как это ей поможет?

– Чувство вины из-за того, что она не помнит своего малютку, причинит ей неизлечимые эмоциональные травмы. Забыть момент рождения своего ребенка противоестественно для любой нормальной матери. Из всего, что произошло за последний год вашей совместной жизни, этот вопрос самый деликатный, и очень важно, как вы справитесь.

– Я понимаю. Что-то еще?

– Да. Первое время она будет вам женой только формально. Не ожидайте от нее большего. Близость и все, что с ней связано... Не забывайте, вы для нее – совершенно незнакомый мужчина, и эту тему пока лучше обходить.

Великолепно! Единственное, с чем у них все было в порядке, оказалось под запретом, к тому же он должен сплавить Себастьяна родственникам.

– Могу я что-нибудь сделать, чтобы помочь ей? Ну, кроме того, что буду спать в соседней комнате и отошлю подальше нашего сына?

– Конечно, можете, – ответил Перуцци. – Ваша жена потеряла память, но не мозги. У нее обязательно возникнут вопросы. Отвечайте на них правдиво, но не говорите больше, чем она спросит. Другими словами, не пытайтесь форсировать события. Представьте, что каждый, даже самый незначительный факт – это кусочек мозаики. Когда таких кусочков будет достаточно и они займут свои места, остальное она сможет добавить самостоятельно.

– А если ей не понравится то, что она узнает?

– В таком случае важно, чтобы вы сохраняли спокойствие и не прекращали поддерживать ее. Синьора должна чувствовать, что может положиться на вас, что бы ни случилось в прошлом. Мы сможете сделать это?

– Да, – глухо сказал Дарио. Разве у него был выбор? – Я могу увидеть ее?

– Не имею права запретить вам, но я против. Физически она уже достаточно восстановилась, однако ваше появление скорее замедлит процесс, чем поспособствует выздоровлению. Вы и так проведете вместе всю жизнь, восстанавливая ваши взаимоотношения.

– Я понимаю, – повторил Дарио, хотя это было совсем не так. – Спасибо, что нашли время для разговора со мной в вашем плотном графике.

– Я сделал это с огромным удовольствием. Хотел бы я, чтобы все семьи моих пациентов были столь же мужественны. Я позвоню, как только ваша жена будет готова вернуться домой. А пока все врачи, наблюдающие синьору Костанцо, с радостью ответят на любые ваши вопросы. До свидания, синьор Костанцо, и всего хорошего.

– До свидания, и большое спасибо.

Вернув телефон на его законное место, Дарио печально побрел к окну. Прямо напротив его кабинета раскинулся красивый сад. Там под навесом сидела и напевала колыбельную своему воспитаннику Мариетта Павиа, молодая нянечка, которую он нанял специально для Себастьяна. То, что жена могла забыть мужа, к которому она, мягко говоря, охладела, еще можно понять. Но каким образом воспоминания о первых родах начисто стерлись из сердца и памяти матери?

За его спиной прозвучал интеллигентный властный голос и прервал его размышления.

– Я слышала достаточно, чтобы понять, что ее состояние изменилось.

Дарио повернулся лицом к матери. Ее черные волосы были красиво уложены, льняное платье светло-бежевого цвета идеально облегло точеную фигуру, и только неправильной формы жемчуг на шее и в ушах выделялся на фоне абсолютно правильных линий. Селеста Костанцо в свои шестьдесят пять выглядела на двадцать лет моложе.

– Ты оделась так, будто решила взять штурмом Ми лан, а не отдохнуть на островах, мама, – заметил Дарио.

– Если я не выхожу в свет, это еще не повод махнуть на себя рукой. И не уходи от темы. Какие новости?

– Мейва вышла из комы, и врачи полагают, что она полностью поправится.

– Значит, она будет жить?

– Хотя бы постарайся изобразить радость, – сказал он сухо. – Она, в конце концов, мать твоего внука.

– Она – полная катастрофа, и я не понимаю, почему ты продолжаешь ее защищать после того, что произошло.

– В этом-то и дело, мама. Мы можем только догадываться, что случилось на самом деле. Из тех двоих, которые знали истину, один мертв, а другая потеряла память.

– Ах вот оно что! Теперь она притворяется, что не помнит, как бросила тебя, прихватив с собой твоего сына? – Селеста презрительно сжала губы. – Как удобно!

– Что за нелепость! Тебе известно, что это не так. Мейва сейчас физически не в состоянии хоть как-то играть на публику, но даже если бы это ей удалось, вряд ли она смогла бы провести опытных врачей.

– То есть ты купился на их диагноз?

– Да, и тебе советую.

– Боюсь, у меня не выйдет, сынок.

– Я советую тебе пересмотреть это решение, если, конечно, ты хочешь, чтобы тебя по-прежнему принимали в этом доме, – сдержанно проговорил Дарио.

Селеста побледнела:

– Что ты себе позволяешь? Я твоя мать!

– А Мейва до сих пор моя жена.

– Надолго ли? Может, до тех пор, пока она снова не решит сбежать от тебя? Или пока ты не найдешь своего сына на другом конце земного шара рядом с чужим мужчиной, которого он будет называть своим отцом? Скажи, Дарио, что заставит тебя прозреть и увидеть, какого сорта эта женщина?

– Эта женщина родила мне сына! – Дарио вышел из себя, готовый выплеснуть на мать весь гнев, который накопился за эти недели. – И будь добра, воздержись от перечисления ее недостатков как жены и матери.

Не сдвинувшись с места, Селеста заявила:

– Я думаю, мне не придется. Она справится с этим сама.

Все старательно отвлекали ее, когда она задавалась вопросом, кто же оплачивает все счета и присылает ей цветы. Все, кроме одного нерадивого помощника, который только и успел неосторожно проронить «он», за что жестоко поплатился. Старшая медсестра наградила его испепеляющим взглядом, который мог бы растопить целый айсберг.

Кто «он»? Мейва хотела было настоять, но, чувствуя, что здесь ей не пойдут навстречу, просто спросила:

– Я хочу знать, куда я поеду после выписки?

– Конечно. – Медсестра говорила с ней тем успокаивающим тоном, которым обычно разговаривают с детьми. – Вы вернетесь туда, где жили раньше, туда, где вас ждут любящие люди.

Где бы это ни было!

За несколько дней до выписки ей сказали, что она отправится на Пантеллерию, где останется до полного выздоровления. Мейва никогда не слышала об этом месте.

– Кто там будет? – поинтересовалась она.

– Дарио Костанцо.

О нем она тоже никогда не слышала.

– Ваш муж, – объяснили ей.

Эта новость отбила у нее всякую охоту расспрашивать дальше.

И вот черный лимузин ожидает ее у входа. Весь персонал столпился вокруг машины, желая ей кучу всевозможных благ.

– Мы будем скучать! – кричат они хором, улыбаясь и махая руками. – Заглядывайте в гости, когда будете поблизости! Но в следующий раз по своей воле!

Все эти дни Мейва ничего не желала так сильно, как освободиться от их круглосуточной опеки. Но вдруг она почувствовала, что боится уезжать. После аварии медперсонал был единственной ее зацепкой, ее настоящим. Целая глава из книги жизни была утеряна. То, что ей предстояло прочесть эту главу заново и познакомиться с мужчиной, за которым она, по всей видимости, была замужем, должно было бы радовать. Но все это, напротив, нагоняло на женщину ужас.

Неверно истолковав тревогу пациентки, молоденькая медсестра, провожавшая Мейву до аэропорта, сочувственно взяла ее за руку:

– Не тревожьтесь, я прослежу, чтобы вы благополучно сели в самолет.

Мейву ужасала мысль, что ей придется смешаться с толпой. Она видела себя в зеркале и поняла, насколько изменилась. Несмотря на превосходное питание в клинике и долгие прогулки по залитым солнцем садам, она оставалась изможденной и бледной. Ее когда-то длинные густые волосы теперь были не больше десяти сантиметров и едва прикрывали неровный шрам над левым ухом. Одежда висела, словно Мейва потеряла около десяти килограммов или страдала от какой-нибудь неизлечимой болезни.

Кто же муж, если ее удостоили путешествия в такой роскоши, ее, девочку из рабочего района на востоке Ванкувера, дочку слесаря и кассирши в супермаркете?

Вспоминая родителей и их любовь к дочери, которая родилась спустя год после того, как они уже отчаялись завести детей, Мейва расплакалась. Если бы они были живы, она поехала бы к ним, в безопасный чистенький одноэтажный домик, спрятавшийся в тени кленовых деревьев. Недалеко от дома располагался парк, где семилетняя Мейва училась ездить на двухколесном велосипеде.

Мама суежилась бы вокруг нее и испекла бы ежевичный пирог, а отец снова сказал бы, как он горд, что ей удалось самостоятельно добиться успеха. Но они умерли: отец угас за считанные недели в шестьдесят восемь, мама – тремя годами позже. А маленький домик продали. И вот Мейва, устроившись в комфортабельном кресле до неприличия роскошного частного лайнера, держит курс туда, где ее ждут сплошные вопросы.

Глава 2

Когда Мейва спросила, куда она направляется, стюард был не очень разговорчив, но и не так скрытен, как персонал клиники.

– Вы летите на Пантеллерию, – ответил он на чистом английском языке, подавая поздний обед, состоявший из приготовленной на медленном огне куриной грудки и молодой спаржи.

– Да, я понимаю, но не думаю, что это мне говорит о чем-либо.

– Это остров. Его еще называют черной жемчужиной Средиземноморья.

– Это Италия?

– Да, синьора. Около ста километров на юго-восток от берегов Сицилии и менее восьмидесяти от Туниса.

Она еще не совсем выжила из ума. Она помнила, где находится Тунис. Но Пантеллерия?..

– Расскажите мне об этой черной жемчужине.

– Это маленький уединенный остров с постоянными ветрами и плохими дорогами. Зато там сладкий виноград, чистое голубое море, и можно заняться подводным плаванием. А закаты там просто великолепны!

Звучит так, словно это рай. Или тюрьма.

– А много людей там живет?

– Если не брать в расчет туристов, не очень.

– Как долго я там жила?

Мейва слишком быстро перескочила от географии к вопросам о себе. Стюард замолчал, выпрямился, словно стоял на плацу в ожидании военной инспекции.

– Могу я предложить вам напитки, синьора? – вежливо, но сухо спросил он.

Мейва улыбнулась, надеясь выманить у него еще какие-нибудь сведения:

– Что я обычно предпочитаю?

Но она напрасно старалась. Стюард был готов к обороне:

– У нас есть вино, сок, молоко и минеральная вода с газом. Или я могу приготовить вам эспрессо, если пожелаете.

– Минеральной воды, – раздраженно бросила молодая женщина.

Кто бы ее там ни встретил, ему лучше откровенно ответить на несколько вопросов, иначе секретность очень скоро доведет до беды.

Но все те вопросы, которые она собиралась задать, вылетели из головы, когда самолет, заскользив вниз, коснулся посадочной полосы. Мейву ждал мужчина.

Если Пантеллерия была черной жемчужиной Средиземноморья, то он, несомненно, был принцем. Высокий, крупный, загорелый и такой красивый, что ей пришлось отвести взгляд, чтобы случайно не прослезиться. Мужчина взял ее за руку и сказал:

– Здравствуй, Мейва. Я твой муж. Так хорошо снова увидеть тебя дома и в таком отличном состоянии!

Его не очень густая шевелюра была подстрижена опытным профессионалом, сам он был чисто выбрит. На нем были бежевые брюки и светло-голубая рубашка из египетского хлопка. Мейва заметила дорогие часы у него на запястье. В сравнении с этим хорошо одетым незнакомцем, которому, по всей вероятности, и принадлежал самолет, она выглядела потрепанно и нелепо.

Наверняка он думал так же, потому что, несмотря на добрые слова приветствия, Мейва увидела жалость в темно-серых глазах, когда рискнула посмотреть на него. Подобные взгляды преследовали ее, когда она была подростком.

Доведенные до отчаяния попытками дать дочери то, о чем сами они не могли и мечтать, ее родители практически обанкротились, отправив Мейву учиться в одну из лучших частных

школ, не понимая, какие страдания приносит ей их жертва. Богатенькие детки с благородной родословной никогда прямо не демонстрировали свое отношение к ней, но все было понятно и без слов. Это ранило девочку серьезнее, чем любая авария.

«Бедняжка, и как она может есть кукурузу такими зубами?»

«Неудивительно, что она боится каждого шороха».

«Мне неловко, что я не пригласила ее на вечеринку, но она не впишется в наш круг».

В конце концов стоматолог подарил ей идеальную улыбку. И теперь Мейва улыбнулась, продемонстрировав свои великолепные зубы, чтобы скрыть болезненную застенчивость, которая проявлялась всегда, как только она оказывалась в невыгодном для себя положении.

– Простите меня. Боюсь, ваше имя выпало из памяти.

Должно быть, это было само нелепое, что ей довелось сказать в жизни, но если мужчина и подумал так же, то предпочел этого не показывать и ответил:

– Дарио.

Мейва произнесла его имя по слогам, как будто так она могла быстрее вспомнить. Но нет. Молодая женщина сделала паузу в надежде, что он добавит несколько каких-либо деталей, и уловила в его глазах что-то еще. Разочарование? Упрек?

Что бы это ни было, мужчина быстро взял себя в руки и указал на припаркованную неподалеку машину. Теперь это был не черный лимузин, а «порше-кайен-турбо» цвета серый металлик. Небольшой по сравнению с лимузином размер автомобиля ее не обманул: она знала, какая внушительная сумма за ним стоит.

– Пойдем в машину. Сегодня здесь как в доменной печи, – сказал человек по имени Дарио.

И это была абсолютная правда. Ее волосы, или, точнее, то, что от них осталось, стояли дыбом, словно стебли пшеницы, и струйки пота текли между грудями. Мейва с радостью скользнула на переднее пассажирское сиденье и расслабилась в освежающих струях прохладного воздуха из кондиционера. Она была счастлива, что находится в шаге от завершения своего путешествия в никуда. Несмотря на то что полет длился всего пару часов, полное страховое ожидание того, что ждет ее впереди, вымотало женщину до ломоты в костях.

Поскольку Дарио определенно не был настроен разговаривать, Мейва обратила внимание на мелькающий за окном пейзаж. Мысленно она просила высшие силы, чтобы хоть какие-нибудь обрывки воспоминаний вернулись к ней. Они ехали на юг по узкой витой прибрежной дороге, о которой упоминал стюард. Вид открывался очень живописный.

Слева на холме возвышался похожий на лоскутное одеяло виноградник, огражденный каменной стеной. Рощица чахлах оливковых деревьев наклонилась, обнимая землю, словно только она была способна защитить их от ветра, сдувающего дерева в бушующее море.

Справа бирюзовые с изумрудными прожилками волны бились о черные скалы, возвышающиеся над изрезанной береговой линией. Без сомнения, именно поэтому остров получил свое прозвище.

Автомобиль проехал через очаровательную рыбацкую деревушку. Аккуратные квадратные домики располагались рядом друг с другом под перфорированными куполами или желобами на плоских крышах.

– Это для того, чтобы собирать дождевую воду, – объяснил Дарио.

Мейве стало настолько любопытно, что она рискнула нарушить тишину и попросить рассказать подробнее, для чего нужны эти приспособления.

– Пантеллерия – вулканический остров, – начал он, – и здесь большое количество подземных вод, но в них слишком много серы. Поэтому вода непригодна для питья.

К сожалению, этот кусочек информации ничего не дал ей. Оставалось одно: постоянно расспрашивать своего не самого словоохотливого мужа, если она хочет иметь хоть какие-то точки отсчета в жизни, удручающе лишенной ориентиров.

Прошла минута, а он не сделал ни малейшей попытки поддержать беседу.

– Твой стюард сказал, что остров довольно маленький, – сказала Мейва.

– Да.

– Значит, твой дом находится неподалеку отсюда?

– Здесь все неподалеку. Пантеллерия имеет всего четырнадцать с половиной километров в длину и меньше пяти в ширину.

– Что ж, мы скоро будем на месте?

– Да.

– Я так понимаю, именно там мы жили до аварии?

У Дарио дернулась мышца на лице.

– Да. Разговор сдержанного человека!

– И долго мы были женаты?

– Чуть больше года.

– Мы счастливы?

Он заметно напрягся и нахмурил лоб:

– Очевидно, нет.

Мейва огорченно глянула на него. Она обменялась клятвами с этим человеком, взяла его фамилию и, скорее всего, носила подаренное им кольцо, хотя сейчас на это не было и намека. Спала в его объятиях, просыпалась от его поцелуев. И каким-то неведомым образом она все это упустила.

– Почему?

Дарио пожал плечами и сильнее сжал руль. У него были красивые элегантные руки и длинные пальцы. И никаких следов обручального кольца.

– Нашу семейную жизнь нельзя было назвать идеальной.

Ей было больно спрашивать, что это значит, а его сдержанный тон было сложно не заметить даже человеку с психическим расстройством, поэтому Мейва снова принялась рассматривать окрестности.

Дарио свернул с основной дороги на узкую улочку, ведущую к мысу, где прятались в уединении несколько вилл. Как только они приблизились, высокие металлические ворота открылись под действием какого-то высокотехнологичного механизма и, слегка качнувшись, плавно закрылись за ними. Мейва не поняла, что это был за механизм. Машина, лавируя между карликовыми пальмами, ехала по обширной территории к вилле, которая отличалась внушительными размерами и ощущением богатства, буквально витающим в воздухе. Одноэтажный особняк был окружен квадратными террасами с купольной крышей над центральной, самой большой из всех.

Дарио остановил машину напротив массивной входной двери и выключил двигатель.

– Это он? – выдохнула молодая женщина.

– Это он. Добро пожаловать домой, Мейва.

Она открыла дверцу и вышла из машины. Ветер стих, и вечерний воздух наполнился запахом сосен. Замерцали первые звезды. Именно здесь из поместья (поместье – самое точное слово, чтобы описать то, что увидела Мейва) открывался восхитительный вид.

Закрыв глаза, она умиротворенно вздохнула и удивилась, как можно забыть такое место.

Дарио выглянул из машины и посмотрел на жену. Вид ее хрупкого тела в сгущающихся сумерках шокировал его так же, как в тот момент, когда он увидел ее, спускающуюся по трапу самолета. Дарио безумно желал воспользоваться своими законными правами и заключить Мейву в объятия. Его удерживало только предостережение Перуцци. И еще страх, что одним неосторожным движением он может переломать ей ребра.

Мейва всегда была стройной, но никогда не выглядела так, будто ее может сдуть теплый осенний ветерок, если она рискнет слишком близко подобраться к краю утеса. Он потерял.

Восстановление ее жизненных сил должно произойти в первую очередь. Остальное – их история, авария и события, предшествующие ей, – может подождать. Ее вопросы застали Дарио врасплох, и он сказал больше, чем собирался, но подобная ошибка не повторится. Он не поднялся бы на вершину международной мультимиллионной бизнес-империи без умения притворяться, если потребуется. И сейчас был как раз тот самый случай.

– Ты не хочешь побыть здесь некоторое время? – спросил Дарио. – Может быть, прогуляешься по саду, чтобы размять ноги?

Мейва пригладила редкие короткие волосы:

– Нет, спасибо. Несмотря на то что еще рано, я порядочно устала.

– Тогда пошли в дом. Я скажу горничной, чтобы она показала тебе твою комнату.

– Я ее знаю?

– Нет. Она работает у меня всего неделю. Ее предшественница переехала в Палермо, поближе к внукам.

Из багажника Дарио достал маленький чемоданчик Мейвы. Он открыл входную дверь и отступил, пропуская ее вперед.

Мейва шагнула в просторный вестибюль и стала медленно рассматривать то, что ее окружало: высокие потолки, холодные белые стены, черные мраморные полы.

– Ты постоянно живешь здесь? – поинтересовалась она.

– Как правило, нет. Обычно я приезжаю сюда только на выходные. Это место, где я отдыхаю.

Она вздрогнула:

– Я останусь одна послезавтра?

– Нет, Мейва. Пока ты не почувствуешь себя как дома, я останусь с тобой.

– В одной комнате и в одной постели?

«А что бы ты предпочла?» – хотелось спросить Дарио. Его мучили воспоминания, которые он предпочел бы забыть. Когда-то они не могли насытиться друг другом.

– У тебя будет отдельная комната столько, сколько потребуется, но я всегда буду рядом – на случай, если понадобится, – ответил он. И поздравил себя с тем, что не напугал жену своим ответом, но и не лишил ее надежды на нормальную семейную жизнь в будущем. Перуцци гордился бы им.

– О-о, – протянула Мейва так, что, казалось, она несколько разочарована. – Это очень мило и деликатно с твоей стороны. Спасибо.

– Не за что.

Она осторожно подошла поближе к мужу:

– А... моя одежда и личные вещи до сих пор здесь?

– Да, – заверил он. – Все так, как ты это оставила.

За исключением нескольких пропитанных кровью вещей, в которых она была в день трагедии. Это единственное, о чем ей лучше не вспоминать.

– А вот и Антония, – продолжил Дарио, надеясь сменить тему. – Она отведет тебя в твою комнату и проследит, чтобы у тебя было все необходимое.

Женщины улыбнулись друг другу, и затем Мейва снова повернулась к нему:

– Еще раз спасибо за все, что ты сегодня сделал.

– Не за что, – повторил он. – Выспись хорошенько. Увидимся утром.

Глава 3

Негромкая музыка с ярко выраженным ближневосточным оттенком лилась из скрытых динамиков. Воздух наполнялся ароматом каких-то ночных цветов. Всю эту гармонию нарушала напряженность, все еще сохранявшаяся между Мейвой и Дарио.

Антония появилась из недр дома и накрыла стол, достав посуду из буфета, стоящего у стены. Ужин начался с салата из помидоров, оливок, лука и каперсов, заправленных оливковым маслом с базиликом. Затем была подана поджаренная на гриле рыба-меч. Поскольку Антония постоянно суежилась около них, Мейве пришлось болтать о всякой ерунде.

Наконец с ужином было покончено, посуда убрана, и они остались наедине. Отставив свой бокал с водой, Мейва перебила Дарио как раз в тот момент, когда он красноречиво расписывал лечебные свойства многочисленных горячих источников, разбросанных по всему острову.

– Хорошо, Дарио, теперь здесь только я и ты. Поэтому, пожалуйста, прекрати вести себя как гид и ответь на мой вопрос. Даже не думай потребовать, чтобы я забыла об этом, потому что я едва сдерживаюсь, если люди нечестны со мной.

– Слушаю тебя, – откликнулся Дарио.

Мейва не могла не заметить, что он напрягся.

– До сих пор я трещала без умолку, а теперь хочу узнать побольше о тебе.

– Хорошо.

– И я не прочь прогуляться, расспрашивая тебя.

– А ты готова? Это же твой первый день вне больницы, в конце концов.

– Но последние недели я не была прикована к кровати. Если мне не придется взбираться на скалы или бежать марафонскую дистанцию, то я вполне уверена в себе.

– Тогда мы прогуляемся по поместью.

Он повел ее по тропинке из дробленого камня, которая, извиваясь, выходила через маленькие садики к прибрежной части имения.

– Почему здесь все так огорожено? – поинтересовалась Мейва, когда она наткнулась на высокую каменную стену, чуть ли не нагоняющую клаустрофобию.

– Чтобы защитить сады от ветров. Лимонные деревья, например, ни за что не выживут после встречи с сирокко.

Мейва когда-то знала это, как и тысячи других пустяков, которые наполняли повседневные будни на этом крохотном островке, но все может подождать. Сейчас первостепенная задача – выяснить хотя бы в основных чертах ту ситуацию, в которой она оказалась.

– Я смотрю, мне еще многому придется учиться заново, поэтому начнем.

– Хорошо. С чего начнем?

– С твоей семьи. С тех пор, как мы женаты, они и моя семья тоже. Они живут тут?

– Да.

– Они сейчас здесь?

– Да.

– Я не заметила ни малейшего следа их присутствия.

– На самом деле они не живут в моем дамуссо.

– Где?

– Дамуссо, – повторил Дарио, сверкнув улыбкой. – Иначе – бунгало. Дамуссо – арабское слово, переводится в широком смысле как «дом», хотя более точный перевод означает «сводчатое строение». Дизайн и способ постройки одинаковый у всех домов на Пантеллерии.

«Не совсем», – подумала Мейва. Возможно, все они похожи на кубики сахара с арочными сводами и куполообразными крышами, но большинство из них далеко не так элегантны и роскошны, как вилла Дарио.

– Тогда где же они живут? – спросила она.

– Они наши ближайшие соседи. Моя сестра живет рядом с нами, а родители поселились по соседству с ней.

– А не на острове?

– Наши дома находятся в Милане, там же расположены главные офисы наших компаний. Но мы живем не так близко друг от друга, как здесь. В городе мы с тобой занимаем пентхаус, как и мои родители, но в разных зданиях, а у сестры и ее мужа своя вилла за городом.

– У тебя нет братьев?

– Совершенно верно.

– А у сестры есть дети?

– Да, но я не буду сбивать тебя с толку большим количеством имен и дат рождения прямо сейчас.

– Хорошо, тогда расскажи мне про эти главные офисы, что само по себе уже звучит впечатляюще. Чем занимается ваша компания?

– Это семейный бизнес, основанный девяносто лет назад. «Костанцо индастриал дель рикокко интернешнл». Ты могла слышать о ней.

Мейва нахмурилась:

– Я так не думаю.

– Мой прадед основал ее в начале двадцатых годов прошлого столетия. После того что он услышал и прочитал о бедах и разрушениях после Первой мировой войны, в частности, о том, что многие дети потеряли своих родителей и живут на улице, он поклялся, что отдаст все свои силы, чтобы сделать мир лучше, красивее. Начинал он потихоньку здесь, в Италии, скупая брошенные земли и разбивая парки.

– Твой прадед был очень добрым человеком.

– Да. – Дарио с признательностью ответил ей улыбкой. – Со временем он начал открывать по всей стране лагеря отдыха для нуждающихся детей. Некоторые из этих малышей никогда не видели моря или озера. Чтобы спонсировать этот замысел и помочь беднякам отправлять своих детишек в лагерь на несколько недель каждое лето, прадед направил свои предпринимательские способности в более прибыльное русло, строя высокогорные базы для лыжников, поля для гольфа и курорты сначала на родной земле, а потом и в соседних странах. Часть от прибыли шла на благотворительность.

– Жаль, я его не знала. Ты описываешь прадеда как замечательного человека.

– По общим отзывам, он и был таким. Когда он умер в середине шестидесятых, название компании было нарицательным в Италии. Сегодня компания известна во всем мире и спонсирует множество некоммерческих организаций, поддерживающих детей из бедных семей.

– И кем ты там работаешь?

– Я вице-президент. А мой отец – председатель и генеральный директор компании. Точнее, я веду наши дела в Европе и Северной Америке.

– Что ж, я вышла замуж за большого человека.

– Полагаю, да.

Тем временем они подошли к каменным ступеням, спускающимся к берегу.

– Осторожно. Здесь местами очень неровная дорога, – предупредил Дарио, взяв жену за руку.

За исключением света в доме и лампочек, освещающих бассейн, их окружали лишь синие лунные тени, которые создавали ощущение изолированности. Это побудило Мейву инстинктивно сжать его пальцы.

– Мы словно последние люди, оставшиеся на земле, – прошептала она.

Он взял ее за другую руку и притянул поближе. Настолько близко, что их тела едва не соприкоснулись. Молодую женщину словно пронзил электрический разряд, и она не удивилась бы, если бы заметила синие искорки.

– Ты бы волновалась, если бы это было правдой? – мягко поинтересовался Дарио.

– Нет, – ответила она, поднимая взгляд на него. – Я думаю, что предпочла бы остаться только с тобой.

И тогда он сделал то, чего она ждала с того момента, как увидела его. Дарио наклонился и поцеловал ее. Не в щеку, как до этого, а в губы. Не сдержанно, как обычно поступают при встрече, а с жадностью изголодавшегося мужчины. Он едва держал себя в руках.

Мейва поддалась импульсу. Она закрыла глаза, ослепленная внезапным всплеском страсти. Дарио обхватил ее и так крепко прижал к себе, что она не могла пошевелинуться.

Его язык скользил между ее губ, и Мейва ощутила желание. Его, ее, их. Оно опьяняло сильнее шампанского. И чем дольше длился поцелуй, тем больше опустошенность, которая давила на нее с момента приезда на виллу, ослабляла хватку.

Потом все сошло на нет. Поднимая голову, Дарио отстранился от Мейвы. Его дыхание выровнялось, как и ее.

– Я думаю, для одного дня ты узнала достаточно, – прошептал он.

– Не совсем, – также шепотом ответила молодая женщина. Он оставил пустоту в ее сердце, пронзил его словно иглой.

– Я хочу задать тебе еще один вопрос, – нерешительно начала она.

– Какой?

– Если мы можем так целоваться, Дарио, почему мы были несчастливы в браке?

Глава 4

Перуцци будет недоволен.

«Отвечайте правдиво, но не говорите больше, чем она спрашивает» – совет хорошего врача. И еще: «Не пытайтесь форсировать события».

В теории все выглядело довольно просто. На деле же пользоваться этим советом оказалось столь же безопасно, как идти по минному полю. Целуя жену, Дарио осознал, что разрушил все те уровни, которые рассчитывал преодолевать не спеша. Он сделал много такого, что могло форсировать события. Ему было тяжело, больно, к тому же он сильно изголодался по женщине, которая прошла бы мимо, если бы столкнулась с ним на улице. Все это выбило его из колеи еще до того, как Мейва начала задавать проницательные вопросы.

Выигрывая время, он поинтересовался:

– Что тебя натолкнуло на мысль, что мы были несчастливы в браке?

– Ты сам так сказал, помнишь?

К сожалению, Дарио помнил. Лучше бы ему хватило здравого смысла подумать, прежде чем говорить, или, если это не удастся, хотя бы держать язык за зубами. Конечно, порядочный кусок выпал из ее памяти, зато мозг работал отлично.

Несмотря на то что сгустились сумерки, взгляд Мейвы, казалось, прожигал темноту.

– Мы были на грани развода, Дарио? – настаивала она.

Были ли они на грани? Только Мейва знала ответ на этот вопрос.

– Нет, – произнес он, придерживаясь исключительно фактов.

По крайней мере, никто не подписывал никаких бумаг, никто не звонил адвокатам, чтобы поделить имущество или добиться прав на опеку.

– Тогда в чем была проблема?

Ломая голову над ответом, который будет правдив, но не породит ненужные вопросы, Дарио осторожно сказал:

– Время от времени в каждом браке бывают тяжелые моменты.

– Но мы были женаты так недолго, – с горечью заметила Мейва.

– У нас тогда все еще был медовый месяц.

Проклятье! Теперь она спросит, где они провели медовый месяц. Перуцци точно не одобрил бы это скоропалительное погружение в прошлое.

– Не думай, что это только твоя вина, – тянул время Дарио. – Поверь, на каждое разочарование приходится тысяча радостей, и одна из них – снова видеть тебя дома.

– Если ты такой заботливый, почему ни разу не навестил меня в больнице?

«Господи, дай мне сил!» Он поднял глаза к небу, взывая о помощи.

– Я навещал тебя, Мейва. Я сидел у твоей кровати после аварии день и ночь. Я молился, чтобы ты осталась жива.

– Но потом ты перестал приходить. Почему?

«Потому что у нас есть сын, который тоже был госпитализирован и тоже нуждался во мне!»

– Для начала я перевел тебя в клинику за пределами Рима, известную своими достижениями в лечении подобных травм. Поняв, что больше ничего не могу сделать для тебя, я сконцентрировался на... другом.

– Ты имеешь в виду, принялся за работу, чтобы отвлечься?

– Да, – соврал Дарио, потому что понимал: правда будет слишком тяжела для нее.

– А когда я вышла из комы? – не успокаивалась Мейва.

– Я тут же хотел прийти к тебе, но врач был категорически против. Тебе было очень далеко до выписки, и он не хотел, чтобы что-то повлияло на твое выздоровление.

- С каких пор общение с мужем мешает выздоровлению?
- Может, с тех пор, как она не помнит его? – сухо предположил Дарио.
- О! Да, конечно, я тоже так думаю.

С божьей помощью и трезво рассуждая, Дарио направил разговор в безопасное русло. И пока Мейва снова не свернула на скользкую дорожку, задавая очередной вопрос, на который он не мог или не должен был отвечать, Дарио сказал:

– Пожалуйста, не обижайся, но тебе следует притормозить. В нашем последнем разговоре Перуцци просил меня не позволять тебе переусердствовать. Если бы он оказался сейчас здесь, я гарантирую, он ужаснулся бы, увидев, что после такого тяжелого дня ты до сих пор не в кровати.

- Существует слишком много того, чего я еще не знаю.

Провожая жену к дому, он решительно проговорил:

– И у тебя впереди масса времени, чтобы узнать все это. Поверь, все, что тебе нужно, – немного отдохнуть. Мы же меньше всего хотим рецидива болезни.

Эти слова подействовали на Мейву магически.

– О господи, конечно! – воскликнула она, и мурашки пробежали по ее телу. – Я этого не выдержу!

- Тогда желаю тебе спокойной ночи.

Оставаясь на безопасном расстоянии, Дарио наклонился и поцеловал ее в щеку. Но даже такой целомудренный поступок невыносимо искушал его. Платье Мейвы нежно нашептывало ему о том, какое гладкое и бархатистое тело скрывается под ним, и этот шепот звучал как приглашение.

Прижавшись к мужу, она сказала, прерывисто дыша:

- Я все вспомню со временем?

– Да.

– Обещаешь?

– Даю тебе слово.

Он высвободился из ее объятий и начал выпроваживать:

- Тебе пора идти. Хорошенько выпишись! Увидимся утром!

Мейва посмотрела на него последний раз и ушла. Вздохнув, Дарио направился к бару и плеснул себе изрядную порцию граппы. Алкоголь смочил горло, но не уменьшил охватившего его волнения.

Тому, что Дарио поднялся на вершину карьерной лестницы, он был обязан исключительно здравому смыслу и редкой способности видеть людей насквозь.

Он чувствовал слабость и скрытность собеседника еще до того, как тот успевал открыть рот. А Мейва заставила его ощутить неуверенность.

Ответила ли она на его поцелуй потому, что желание, которое восстало в нем, взяло в плен и ее, или сочла, что, потакая его сексуальным желаниям, сможет искупить ошибки прошлого?

Когда она говорила о верности своим клятвам и он намекнул на ее двуличие, было ли ее смятение искренним или лишь лицемерной маской?

У него не было ответов.

Этой ночью Мейве приснился дом. Только больше это не был ее дом. Кто-то въехал туда, а она стояла у могилы родителей со всеми своими пожитками, распаханными по чемоданам и дорожным сумкам.

– Я уезжаю и никогда не вернусь, – сказала она матери и отцу. – Но вы навсегда останетесь со мной... в моем сердце.

Листья заговорили вместе с порывом ветра:

– Ты не можешь уехать. Ты часть этих краев.

– Я должна, – протестовала Мейва, постепенно различая вдалеке размытый силуэт. – Я нужна ему. Я его слышу...

– Нет.

Ветки начали грубо обвивать ее тело, листья наваливались, не давая дышать, удерживая в плену...

Молодая женщина проснулась, запутавшись в роскошных хлопковых простынях, вся потная. Бешено стучало сердце. Солнечный свет заливал комнату.

Мейва отчаянно пыталась удержать в памяти образы из своего сна, она определенно что-то вспоминала. Закрыв глаза, она попыталась восстановить эти картины, но облака, которые так долго жили в ее разуме, сомкнулись, снова заслоняя все. Может быть, сегодня ночью или завтра...

Кто-то постучал. Вероятно, Дарио. Мейва поднялась и, спотыкаясь, поспешила к двери.

– Минуточку, – попросила она, пытаясь на ходу создать хоть какое-нибудь подобие прически. Когда-то волосы нарочито небрежно ложились ей на плечи. Сейчас же они стали непослушными завитушками.

Вопреки своим надеждам, открыв дверь, Мейва столкнулась с Антонией, которая держала поднос с кофе и тарелкой фруктов, а не с мужем.

Казалось, горничная совсем не удивилась, застав Мейву в ночной рубашке. Она любезно закивала и поставила поднос на стол на террасе. Антония практически не говорила по-английски, а ее итальянский пестрел диалектизмами. Все неясности в речи она компенсировала жестами. Антония кое-как объяснила, что синьор позавтракал несколько часов назад и уехал, однако он присоединится к синьоре за обедом.

Мейва озадаченно посмотрела на часы и с ужасом поняла, что проспала почти все утро. Часы показывали начало одиннадцатого. Отпустив горничную, она налила немного эспresso в высокую чашку и добавила в нее пенистое горячее молоко. Мейва могла ничего не помнить о своей жизни в этом роскошном укрытии, но она точно знала, что никогда не пила крепкий черный кофе, что, по всей видимости, не забыли и в кухне.

Кофеин рассеял последние остатки сна, она почувствовала прилив энергии. С чашкой в руке Мейва прогуливалась по маленькому саду, время от времени останавливаясь у столика, чтобы угоститься темным виноградом, долькой хурмы или ломтиком персика. Вопросы подстерегали ее на каждом шагу. Куда поехал Дарио? Что означает странный сон? Почему это до сих пор преследует ее? Что еще она узнает сегодня? Как много времени пройдет, прежде чем она вспомнит все?

Палило солнце, но это не сдерживало постоянно дующий с юга ветер. Кусочек суши, выглядывающий из-за горизонта, должно быть, берег Африки, предположила Мейва. На расстоянии вытянутой руки стену оплела виноградная лоза. Слева, в центре другой стены, женщина увидела крепкие, плотно прилегающие к проему ворота. Практически у ее ног, защищенный от ветра стеклянным экраном высотой в человеческий рост, плескался, сверкал и манил своей прохладой бассейн.

Что ж, почему бы не поплавать? Это отвлечет ее от бесконечной вереницы вопросов. И раз уж на то пошло, незачем беспокоиться о бикини, поскольку при ее теперешнем весе плавки слетят с нее, как только она коснется воды. В конце концов, она здесь одна.

Неподалеку Мейва обнаружила тележку, в которой среди прочих мелочей лежала стопка аккуратно сложенных пляжных полотенец. Она взяла одно, положила его на столик у бассейна, затем быстро, боясь передумать, сбросила ночную рубашку и нырнула.

Это было божественно! Словно прохладный атлас заструился по телу. Скользя по водной глади, Мейва пересекла бассейн семь или восемь раз. Потом, запыхавшись, она перевернулась на спину и, лежа на воде, наслаждалась ощущением свободы и хорошим самочувствием.

Но только до тех пор, пока не поняла, что уже не одна. Правда, заметила она это не сразу. Возможно, ее внимание привлек блеск солнцезащитных очков или то, что створка ворот, прежде плотно закрытых, была чуть приоткрыта. А может, просто неприятное покалывание в позвоночнике и неожиданный холодок в воздухе, словно зловещая тень, проскользнув, на секунду загородила солнце. Но как Мейва это почувствовала, честно говоря, не имело никакого значения. Единственное, что было действительно важно, – ее застали абсолютно голой.

Мейва отреагировала мгновенно: нырнула и поплыла к той стороне бассейна, где стоял неожиданный гость. Точнее, гостя. Оказавшись там, она забилась в угол, подтянула колени к животу, а руками прикрыла грудь.

– Поздно вато скромничать, моя дорогая, – произнесла незнакомка, снимая очки, чтобы хорошенько рассмотреть Мейву. – Правда, хорошие манеры никогда не были твоей сильной стороной.

– Я... никого не ждала. – Мейва запнулась. После такого унижения она мечтала, чтобы ее смыло из бассейна прямо в море. – Полагаю, мы встречались раньше?

– К сожалению, да, – вздохнула женщина.

– Ясно.

Ясно было одно: не важно, кто эта незнакомка, но она точно не была ее другом.

– Мне жаль, но я не помню вас.

– Что ж, меня уверяли в этом. – Женщина протяжно вздохнула. – Хотела бы я страдать таким же недугом относительно вас. К моей великой скорби, этого не случилось. Я слишком хорошо помню вас.

– И по какой-то причине я вам не очень нравлюсь. Могу ли я узнать – почему?

– Ты не нашего круга. И никогда не станешь своей. Почему мой сын удостоил тебя своим вниманием – за пределами моего понимания.

Эта женщина – ее свекровь?

Мейва находилась в нелепом и унижительном положении, оказавшись абсолютно голой под испепеляющим пристальным взглядом своего врага, и это разбудило в ней давно знакомое чувство отчаяния. Оно обтянуло ее, слово вторая кожа – холодная, липкая, разрушающая душу. В оцепенении она произнесла:

– Не могли бы вы передать мне полотенце?

Женщина одарила ее еще одним гневным взглядом, а затем мыском своей элегантной туфельки пододвинула полотенце. Мейва прикрывалась им, пока вылезала из бассейна, а потом завернулась в него. Скромный наряд, конечно, не шел ни в какое сравнение с элегантным одеянием ее свекрови, но все же это было лучше, чем ничего.

– Извините, что встречаю вас в таком виде, – сказала она, собрав остатки гордости, и осмелилась взглянуть своей собеседнице в глаза. – Чтобы избежать подобных случаев в дальнейшем, не будете ли вы столь любезны предупредить о своем появлении?

– Или, может быть, в будущем, – перебил ее стальной мужской голос, – ты подождешь приглашения, прежде чем вломиться в мой дом, мама.

О, замечательно! Мало было унижений для одного утра! Теперь и Дарио видит ее полуобнаженное костлявое тело во всем его великолепии.

Однажды Мейва прочитала, что женщины с сильным характером всегда стоят на своем и не пасуют перед трудностями. Она явно не принадлежала к таким женщинам, а потому сбегала.

Грубо схватив мать за локоть, Дарио отвел ее подальше, чтобы их не могли услышать.

– Ты злой, – заявила мать, когда он наконец выпустил ее руку.

– Это не оправдывает тебя, мама, – ответил он взбешенно. – Какого черта ты тут делаешь?

– Уверяю, намерения у меня были самые невинные. Я всего лишь зашла поздороваться.

– Невинные! Как же! Ты всегда что-то замышляешь. Что ты успела ей наговорить?

– Не так много, как мне хотелось бы.

– Ты не имеешь права ничего говорить Мейве! Не смей наводить ее на мысли о прошлом!

– Ну, возможно, я ошиблась в своих суждениях на ее счет. Пожалуй, я дам ей еще один шанс искупить свою вину. Но она!.. Святая Дева Мария, Дарио, она плавала голая в бассейне! Ни капли стыда! Ты представляешь?

Легко! Мейва выглядела как русалка. И если бы он застал ее, то сорвал бы с себя одежду и присоединился к ней. Дарио отвернулся, чтобы скрыть улыбку, пробужденную воображением, и сказал:

– А что в этом плохого?

– Кто-нибудь из прислуги – садовник, горничная – могли увидеть ее. Как ты думаешь, что бы они сделали?

– То, что должна была сделать и ты, мама. Уйти. Настолько быстро и осторожно, насколько это возможно.

Селеста изящной рукой пригладила волосы:

– Что ж, пока мне не захочется увидеть это зрелище еще раз, я ее не беспокою.

– Конечно, не беспокоишь, – заверил ее сын, усаживая в машину. – Более того, я сожалею, что мне приходится идти на крайние меры, но до тех пор, пока сложная ситуация касательно моей жены не разрешится, ты будешь держаться подальше от моего дома.

Мать опустила стекло и с укором посмотрела на Дарио:

– Я поняла.

– Точно? – В нем снова закипела злоба. – Ты представляешь, как ей может навредить твое вмешательство? Если ты расскажешь ей о Себастьяне, последствия могут быть ужасными.

– По мне, так я никогда не рассказывала бы ей о Себастьяне. Если бы это зависело от меня, она бы уже собирала чемоданы, так и не узнав, что родила тебе сына.

Дарио задрожал от гнева:

– Именно поэтому ты будешь держаться как можно дальше от Мейвы, пока к ней не вернется память.

– А ты, Дарио? Сможешь ли ты держаться подальше от нее? Или еще раз падешь жертвой ее дешевого лживого шарма и позволишь бросить себя во второй раз?

Машина синьоры Костанцо сорвалась с места так быстро, что мелкие камушки полетели из-под колес. Ей было больно оттого, что сын вел себя грубо, и Дарио это понимал. Ему хотелось бы, чтобы все обстояло иначе. Но он не позволит матери разрушить его брак, поэтому в ближайшее время никакой перемены в отношениях с ней ожидать не приходится.

* * *

Мейвы нигде не было видно. Когда Дарио постучался, она не ответила. Наконец он обнаружил ее на террасе. Мейва ожидала его к ланчу. Точнее сказать, она застыла в нерешительности. В длинном платье разных оттенков розового молодая женщина походила на изящную бабочку, порывающуюся взлететь.

– Милый наряд, – заметил Дарио, пытаясь разрядить атмосферу, – хотя в полотенце ты мне тоже понравилась.

Мейва покраснела:

– Прости меня, Дарио.

– За что? Это мою мать здесь никто не ждал, а не тебя.

– Все равно, мне хотелось бы произвести на нее хорошее впечатление. А так, мне кажется, я только усугубила ситуацию. Почему твоя мать не любит меня?

– Ты вышла за меня замуж, – заметил он, наливая аперитив. – Итальянские матери всегда тяжело принимают невесток. Она поменяет свое отношение, когда лучше узнает тебя.

– Может быть, когда у нас появятся дети?

Дарио подавился вином.

– Возможно, – ответил он, как только смог опять сделать вдох. – И мы займемся этим, когда ты придешь в себя.

– Возможно. – Мейва покусала губы. – Я много размышляла со вчерашнего вечера.

По его мнению, она размышляла слишком много, но если бы он сказал ей об этом, она вряд ли остановилась бы.

– О чем? – поинтересовался Дарио.

– Ты упомянул, что управляешь семейным бизнесом в Северной Америке. И в Канаде тоже?

– Да, – согласился он, чувствуя себя не в своей тарелке. Ему не нравилось, какой оборот принимает этот разговор.

– Ты когда-нибудь бывал в Ванкувере? Мы там познакомились?

– Я бывал в Ванкувере, но познакомились мы в другом месте.

– Где?

Дарио колебался. Они провели вместе всего десять минут, а ему уже приходится обдумывать каждое слово.

– Ты отдыхала в Италии.

– Одна?

– Нет, с подружкой.

– Где именно?

– В Портофино.

– Ты тоже там отдыхал?

– Можно и так сказать. Я держу там свою яхту и частенько провожу время летом.

Пьянствуя с друзьями всю ночь напролет. Но ей не стоит знать об этом.

– Мы познакомились у тебя на яхте? Приятная картинка. И что я там делала?

– Там – ничего. Мы встретились в казино. У рулетки. – Он ухмыльнулся, наблюдая за тем, как скептическое выражение ее лица меняется и становится заинтересованным.

– Да? Это мне еще сложнее представить. Я никогда не была азартной.

В ту ночь Мейва тоже не была увлечена игрой, иначе Дарио не смог бы соблазнить ее и угостить изрядной порцией шампанского, чтобы ослабить сопротивление. Тогда он был распутником и не сомневался, что такой малышке стоит подарить незабываемую ночь. Он даже предположить не мог, что Мейва привяжет его к себе на всю жизнь.

Глава 5

Дарио сразу ее заметил. Черное вечернее платье без бретелей и нитка жемчуга только прибавляли ей красоты. Она двигалась с грацией и достоинством, подобно герцогине. Но не это привлекло его внимание, а ее глаза. Точнее, то безразличие, с которым Мейва посмотрела на него, когда их взгляды встретились. Дарио Костанцо не привык к тому, чтобы его игнорировали дамы, особенно на его территории.

Девушка, которая составляла ей компанию, походила на типичную туристку. Разряженная в перья, темно-красные оборки и обвешанная с ног до головы драгоценностями, она изо всех сил старалась развлекаться на всю катушку.

– Посторожи мое место, Мейва! – прокричала она, загребая кучку фишек. – Я отойду припудрить носик.

– Женщины действительно отлучаются для этого? – спросил он, усаживаясь на освободившееся место.

Герцогиня одарила его величественным взглядом:

– Простите?

– Женщины до сих пор пудрят носики?

– Не имею понятия, – ответила она сухо. – Меня это не интересует. И кстати, место занято.

– Вашей подругой?

Она кивнула.

– Да, я слышал. Я придержу его, пока она не вернется.

Началась новая игра.

– Вы не делаете ставок? – спросил Дарио.

– Нет, я пришла, чтобы составить компанию Памеле, и у меня нет фишек.

Он пододвинул стопочку своих фишек:

– Теперь есть.

Девушка отпрянула, словно он доверил ей заряженный пистолет, и сморщила изящный носик:

– Я не могу это принять. Ради всего святого, я даже не знаю вас. Вы можете оказаться кем угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.